

На мой взгляд, подлинный литературный дебют Осипа Мандельштама состоялся в августе 1910 года, когда в девятом номере журнала «Аполлон» были напечатаны пять стихотворений поэта, и в их числе знаменитое «SILENTIUM»:

*Она еще не родилась,
Она и музыка, и слово,
И потому всего живого
Неразрушаемая связь...*

В апреле 1913 года в петербургском издательстве «Акме» вышел первый поэтический сборник Мандельштама — «Камень». Название, возможно, было подсказано Н. С. Гумилевым, вождем группы акмеистов. Первоначальный авторский вариант названия — «Раковина». Весь тираж (триста экземпляров) был напечатан на средства автора и сдан на комиссию в книжный магазин М. В. Попова-Ясного на Невском проспекте. Именно с городом на Неве — Санкт-Петербургом — теперь будут на долгие годы связаны судьба и творческий взлет поэта...

Осип Эмильевич Мандельштам родился в Варшаве, в семье ремесленника-кожевника, впоследствии ставшего купцом. В детстве вместе с родителями переехал в Петербург. Окончил Тенишевское училище. В 1907–1910 годах слушал лекции в Сорбонне, в Гейдельбергском университете. С 1911 года учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета, занимаясь старофранцузским языком и литературой. Первые поэтические публикации Осипа Мандельштама появляются в 1907 году в первом номере журнала Тенишевского училища «Пробужденная мысль».

Но обратимся к сборнику О. Мандельштама «Камень». В книгу вошло двадцать три стихотворения — датированных, но расположенных без хронологической последовательности. Начиная со второго издания «Камня» хронология стала излюбленным принципом композиции поэтических книг Мандельштама. С. П. Каблуков, секретарь Религиозно-философского общества и близкий друг поэта, записал в своем дневнике тридцатого декабря 1915 года: «...Книга пострадала от цензуры: два стихотворения «Заснула чернь» и «Императорский виссон» не разрешены. Кроме того, собрание вышло не довольно полным, до 27 стихотворений отнюдь не плохих, а иногда и превосходных, не включены автором отчасти по мнительности, отчасти по капризу».

Третье издание «Камня» появилось уже после революции, в июле 1923 года, в госиздатовской серии «Библиотека современной русской литературы». На этот раз стихотворения не датированы, а из семидесяти пяти включенных в

книгу стихотворений шесть написаны позднее 1916 года и, собственно говоря, к «Камню» не относятся.

Последним прижизненным изданием «Камня» был соответствующий раздел в итоговой книге 1928 года «Стихотворения». Обратим внимание на небольшое, но емкое стихотворение, датированное 1912 годом:

*Образ твой, мучительный и зыбкий,
Я не мог в тумане осязать,
«Господи!» — сказал я по ошибке,
Сам того не думая сказать.*

*Божье имя, как большая птица,
Вылетело из моей груди!
Впереди густой туман клубится,
И пустая клетка позади...*

К превосходным произведениям этого цикла можно отнести сонет «Казино», посвященные Н. Гумилеву «Петербургские строфы», «Бессонница. Гомер. Тугие паруса», «И поныне на Афоне...», а также очень смелое стихотворение для того времени «Дворцовая площадь». Безупречно и ярко написаны «Домби и сын», «Старик» и «Кинематограф», «Золотой». Все это ранний Мандельштам, в свои двадцать с небольшим лет ставший знаменитым. А как современно звучит стихотворение, датированное 1913 годом! Разве это не сегодняшний день, особенно в первых двух строфах:

*От легкой жизни мы сошли с ума:
С утра вино, а вечером похмелье.
Как удержать напрасное веселье,
Румянец твой, о нежная чума?*

*В пожатьи рук мучительный обряд,
На улицах ночные поцелуи,
Когда речные тяжелеют струи
И фонари, как факелы, горят.*

*Мы смерти ждем, как сказочного волка,
Но я боюсь, что раньше всех умрет
Тот, у кого тревожно-красный рот
И на глаза спадающая челка.*

Свою вторую книгу Мандельштам намеревался назвать «Новый камень». Однако ее новое название — «TRISTIA» — было дано Михаилом Кузминым. Любопытно, что Мандельштам колебался в выборе названия: до нас дошли еще два варианта — «Аониды» и «Слепая ласточка». В 1925 году вышли еще две книги, и каждая в своем роде была итоговой. Это сборник прозы «Египетская марка», в который, наряду с одноименной повестью, вошла и автобиографическая повесть «Шум времени», а также опубликован сборник критических статей «О поэзии».

Все эти книги напечатаны одна за другой во время... поэтического молчания Мандельштама. За пять с лишним лет между стихами 1925 года к Ольге Вексель и «армянским» циклом осени 1930 года — ни одного стихотворения! В эти годы «молчал» не один Мандельштам. И Анна Ахматова, и Борис Пастернак, и Бенедикт

Лившиц... У каждого, конечно, были на то свои внутренние причины и поводы, но было и нечто общее — прежде всего, сгущающаяся атмосфера глухого недоброжелательства к писателям-попутчикам, позднее, в 1930-е годы, переродившаяся в охотничий азарт открытой их травли.

Печататься становилось все труднее и труднее. Единственной отдушиной были переводы. Использование классово-чуждых «спецов» на этом поприще не считалось зазорным и даже поощрялось. Как и Пастернак, Мандельштам занялся переводами. Он перевел десятки книг преимущественно с французского, но с каждым годом становилось все яснее, что отдушина эта удушлива и ядовита. Переводы не были для Мандельштама живой работой и отнимали много творческих сил, иссушали мозг. К тому же, эта «отдушина» оказалась для него настоящей западней, когда разгорелся скандал вокруг мандельштамовской переработки переводов «Тиля Уленшпигеля». Скандал этот, начатый в 1928 году, был вновь раздут в 1929 году Д. И. Заславским и, захватив часть 1930 года, перерос в травлю поэта.

«Четвертая проза», произведение, «вдохновенное» разыгравшейся травлей и обозначившее недвусмысленный разрыв поэта с литературной общественностью. Этот разрыв все же дал ему возможность как бы заново родиться и вновь научиться летать. В октябре 1930 года Мандельштам начал опять писать стихи!

*Куда как страшно нам с тобой,
Товарищ большепотый мой!*

*Ох, как крошится наш табак,
Щелкунчик, дружок, дурак!*

*А мог бы жизнь просвистать скворцом,
Заест ореховым пирогом...*

Да, видно, нельзя никак.

Именно 1930-е годы явились периодом особенного, необычайного и почти непрерывного горения Мандельштама-поэта. За неполные семь лет, с октября 1930-го по июль 1937-го, было написано свыше двухсот стихотворений. Это, конечно, сторона количественная, но без того, что теперь принято называть «поздним Мандельштамом», русская поэзия уже непредставима.

Но вернемся к судьбе поэта в тридцатые годы. Его «Новые стихи», «Путешествие в Армению» да еще «Разговор о Данте» — все это было им тогда написано, а что же напечатано? Два с половиной десятка стихотворений в пяти скромных, но так всем запомнившихся подборках в «Литературной газете», «Звезде» и, главным образом, в «Новом мире» да еще «Путешествие в Армению» в майском номере «Звезды» за 1933 год — вот, собственно, и все.

Сборники «Избранное» и «Стихи» в Госиздате, а также «Разговор о Данте» так и не увидели свет. И хотя даже в Воронеже, находясь в ссылке, Мандельштам не оставлял попыток выйти на своего читателя, посылая стихи в различные журналы, стена, возведенная между читателями и поэтом, оказалась непреодолимой. Когда же Мандельштама в мае 1938 года вторично арестовали, а в начале 1939 года пришло сообщение о его смерти двадцать седьмого декабря в пересыльном лагере Вторая Речка под Владивостоком, то эта страшная, безмогильная смерть перечеркнула, казалось бы, не только ненаписанное, но и все неизданное.

Жизнь, однако, распорядилась иначе. Жена поэта Надежда Яковлевна Мандельштам, испытанные друзья сберегли в своей памяти и в списках мандельштамов-

ские стихи, пронеся их через многие и тяжкие испытания. Спустя четверть века после гибели автора его стихи разошлись по стране во множестве машинописных списков. Только в 1967 году вышла первая посмертная книга Мандельштама «Разговор о Данте», а в 1973 году появился мандельштамовский том в Большой серии «Библиотека поэта».

За годы официального непризнания, категорического непечатания и кажущегося забвения стихов Мандельштама сложился и окреп самый настоящий миф о поэте, вобравший в себя его трагическую судьбу. Это миф о противостояниях, о единоборстве Поэта и Тирана, миф о физическом поражении — и духовной победе Поэта. Мандельштаму суждено было высказать двуединый характер эпохи, в которой он жил и погиб. Он высказал ее тезис, ее ужас и яд:

*Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны...*

— и ее антитезис, ее противоядие и надежду:

*...Потому что не волк я по крови своей
И меня только равный уьет.*

Опала на мандельштамовские стихи растянулась по меньшей мере на треть века, а на стихи Гумилева, Ходасевича, Георгия Иванова — чуть ли не на полстолетия. Это трагично и само по себе, выросли поколения читателей, лишенных целого пласта русской поэзии. Это, наконец, чревато утратой того, что называется чувством историко-литературного стыда. Ведь литературный процесс все эти десятилетия не прекращался, журналы и книги выходили, и тем, кого издавали, почему-то не было стыдно оттого, что их печатанье идет на фоне непечатания Платонова, Булгакова, Шмелева, Мандельштама...

Осип Мандельштам в докладе 1915 года о Пушкине и Скрябине пророчески заметил, что смерть художника есть его последний и, может быть, главнейший творческий акт. И он выбрал такую судьбу и такую смерть себе, написав в ноябре 1933 года роковые стихи о Сталине. Таким образом, в Мандельштаме, в этом хрупком, отнюдь не героическом человеке, сошлись его поэтическое торжество, его гражданское величие и его человеческая трагедия. По сути, поэт шел на своих врагов с открытым забралом. Даже сейчас нельзя без содрогания читать стихотворение «Квартира тиха как бумага». В страшные тридцатые годы, во времена репрессий, так писать было равносильно самоубийству:

*...А стены проклятые тонки,
И некуда больше бежать,
И я, как дурак, на гребенке
Обязан кому-то играть.*

*Наглей комсомольской ячейки
И вузовской песни бойчей,
Присевших на школьной скамейке
Учить щебетать палачей...*

Удивительно, но злой рок преследовал поэта и после смерти. Как будто мировое зло мстило ему за его дерзость, правду и красоту, явленную в слове. После долгих мытарств и перипетий первого октября 1998 года в г. Владивостоке наконец-то

состоялось открытие памятника Осипу Мандельштаму работы скульптора В. Ненаживина. Монумент был выполнен в железобетоне. Уже в 1999 году двадцать второго апреля по отношению к памятнику был совершен акт вандализма: преступники отбили у фигуры руки и нос. Памятник отвезли на реставрацию в мастерскую скульптора. В 2001 году одиннадцатого октября памятник О. Мандельштаму вновь был открыт. Новый вариант выполнен в металле. Скульптура очень символична. Фигура поэта с обращенным к небу лицом установлена на постаменте в виде старого конторского сейфа. В таком несгораемом сейфе, возможно, хранилось дело арестованного поэта. Памятник установили в сквере в жилом микрорайоне, в районе Второй Речки, на том месте, где находился пересыльный лагерь, в котором погиб поэт. И вновь в январе 2002 года памятник был осквернен. Вандалы облили его белой краской. Монумент пришлось вновь реставрировать. Наконец с 2003 года памятник занял свое место в одной из аллей парка Владивостокского государственного университета экономики и права (ВГУЭС). А двадцать седьмого декабря 2018 года копия памятника О. Мандельштаму скульптора В. Ненаживина была установлена в сквере у здания Школы искусств и гуманитарных наук ДВФУ на Русском острове.

